

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

УДК 323.1

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-2-159-180

Е. А. Тюрин

Среднерусский институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел

Е. Н. Савинова

Среднерусский институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел

А. Р. Агабабов

Среднерусский институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ШОТЛАНДИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

ТЮРИН Евгений Анатольевич —

канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии и государственной политики.
Среднерусский институт управления — филиал,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
(302028, Россия, г. Орел, б-р Победы, 5а).
E-mail: Turin.of.Foveran@yandex.ru

САВИНОВА Елена Николаевна —

канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии и государственной политики.
Среднерусский институт управления — филиал,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
(302028, Россия, г. Орел, б-р Победы, 5а).
E-mail: Savinova E.N@yandex.ru)

АГАБАБОВ Александр Рафаэлевич —

аспирант каф. политологии и государственной политики.

Среднерусский институт управления — филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (302028, Россия, г. Орел, б-р Победы, 5а).

E-mail: aagababov@mail.ru

Аннотация. Предметное поле данной статьи, посвященной проявлению исламского фактора в социально-политической жизни Великобритании, локализуется в границах Шотландии. Авторы подчеркивают особый (отличающийся от других регионов Великобритании) характер взаимодействия мусульманского этноконфессионального меньшинства с коренным населением Шотландии. Наибольшее внимание уделяется вопросам идентичности шотландских мусульман. В статье подчеркивается, что Шотландия демонстрирует свои выигрышные позиции для мусульман благодаря развитию инклюзивной идентичности. Авторы делают прогностический вывод о том, что Шотландия будет сохранять политику утверждения единых гражданских ценностей, обеспечивающих плюрализм различных социокультурных сообществ. По мнению авторов, будущее Шотландии — это постэтническое, транскультурное социально-политическое государственно организованное пространство, в котором общебританская напряженность между мусульманами и немусульманами постепенно будет уменьшаться, а шотландская традиция равенства и социальной справедливости укрепится.

Ключевые слова: мусульмане, ислам, Шотландия, государственная политика, нациестроительство, этноконфессиональное взаимодействие, инклюзивная идентичность.

Для цитирования: *Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Агабабов А. Р.* Исламский фактор в развитии современной Шотландии: политические и социокультурные аспекты // *Ислам в современном мире.* 2020; 2: 159–180;

DOI: 10.22311/2074-1529-2020-16-2-159-180

Статья поступила в редакцию: 20.03.2020

Статья принята к публикации: 12.05.2020

Введение

Цивилизационные, геополитические, социально-экономические и прочие отношения между христианским Западом и мусульманским Востоком исторически были довольно напряженными. К сожалению, и в XXI веке эта напряженность не снята. Ислам и мусульмане в западном мире очень часто ассоциируются с проявлениями терроризма и экстремизма. Поэтому особую актуальность приобретают задачи научного осмысления социокультурного влияния исламского фактора на характер развития политических процессов в Западной Европе (в том числе, при соотнесении с российскими реалиями)¹.

По сути, сегодня у ученых нет профессионального права игнорировать историю и современную практику присутствия ислама и мусульманской идентичности в Западной Европе² или, например, в США³ и Австралии⁴. Поэтому, различные аспекты мусульманской жизни в странах с западной цивилизационной парадигмой исследуются сегодня так активно, как никогда ранее. В Европе ключевые позиции в данном научном дискурсе сохраняет Соединенное Королевство, что во многом объясняется имперским прошлым Британии.

Отдельной темой является шотландский локус распространения ислама в Великобритании. Несмотря на кажущуюся ее разработанность и сравнительное обилие исследований, на удивление мало работ, в которых бы рассматривались трансформационные изменения идентичности населения Шотландии в контексте изучения исламского влияния⁵.

Рамки статьи не позволяют нам достаточно подробно останавливаться на исследованиях, посвященных британским мусульманам в целом, хотя не можем не отметить того факта, что в Великобритании ученые, осуществили блистательный анализ мусульманского сообщества, проживающего на территории Англии и Уэльса⁶. Тем не менее предметное поле данной статьи локализуется в границах Шотландии, которая оставалась, в некоторой степени, «невидимой» для исследователей, изучающих европейские мусульманские общины. Поэтому целью данной статьи стало желание

¹ Подробнее см.: Малащенко А. В. Надо ли бояться ислама? М.: Весь Мир, 2017; Малащенко А. В. Исламизм для Европы (Продолжение) // Россия и мусульманский мир. 2007. № 1. С. 154–161; Малащенко А. В. Исламская альтернатива и исламистский проект. Московский Центр Карнеги, Carnegie Endowment for International Peace. М.: Весь Мир, 2006.

² Otterbeck J., Nielsen, J. Muslims in Western Europe. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015.

³ Kabir N. Young American Muslims: Dynamics of Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.

⁴ Kabir N. Muslims in Australia: Immigration // Race Relations and Cultural History. London: Kegan Paul, 2005.

⁵ Подробнее см.: Hall S. 'Whose Heritage? Un-settling "the Heritage", Re-imagining the Post-Nation' // Jo Littler and Roshi Naidoo (eds), The Politics of Heritage: The Legacies of Race. London: Routledge, 2005. P. 31.

⁶ Gilliat-Ray S. Muslims in Britain: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Kabir N. Young British Muslims: Identity, Culture, Politics and the Media. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.

авторов показать политические и социокультурные аспекты проявления исламского фактора именно в Шотландии, которая даже в научной литературе часто преподносится как «рай социальной справедливости».

Обсуждение

В настоящее время большая часть существующих академических работ, посвященных шотландским мусульманам, опирается на исследования, проведенные в период конца 1980-х — начала 2000-х гг. тремя первопроходцами — это Али Вардак¹, Карен Куреши² и Питер Хопкинс³. Эти авторы внесли наиболее существенный вклад в научное осмысление шотландского мусульманского сообщества (в частности, мусульманской идентичности) и межкультурного диалога, хотя и с достаточно сильным акцентом на пакистанском элементе. Помимо названных исследователей, стоит упомянуть также Башира Маана⁴, обобщившего значительный объем исторической информации о ранней миграции и расселении в Шотландии мусульман из Южной Азии.

Сегодня британские (прежде всего, шотландские) обществоведы активно продолжают попытки изучения исламского фактора в социокультурном контексте развития политических процессов в Шотландии. В связи

¹ *Wardak A.* Social Control and Deviance: A South Asian Community in Scotland. Aldershot: Ashgate, 2000; *Wardak A.* The Mosque and Social Control in Edinburgh's Muslim Community // *Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal*. 2002. No. 3(2). Pp. 201–219.

² *Qureshi K.* Trans-Boundary Spaces: Scottish Pakistanis and Trans-Local / National Identities // *International Journal of Cultural Studies*. 2006. No. 9(2). Pp. 207–226; date recourse:.. *Shifting Proximities: News and "Belonging-Security"* // *European Journal of Cultural Studies*. 2007. No. 10(3). Pp. 294–310; *Qureshi K., Moores S.* Identity Remix: Tradition and Translation in the Lives of Young Pakistani Scots // *European Journal of Cultural Studies*. 2009. No. 2(3). Pp. 311–30.

³ *Hopkins P.* Everyday Racism in Scotland: A Case Study of East Pollokshields // *Scottish Affairs*. 2004. No. 49 (Autumn). Pp. 88–103; *Hopkins P.* Young Muslim Men in Scotland: Inclusions and Exclusions // *Children's Geographies*. 2004. No. 2(2). Pp. 257–72; *Hopkins P.* "Blue Squares", "Proper" Muslims and Transnational Networks: Narratives of National and Religious Identities Amongst Young Muslim Men Living in Scotland // *Ethnicities*. 2007. No. 7(1). Pp. 61–81; *Hopkins P.* Global Events, National Politics, Local Lives: Young Muslim Men in Scotland // *Environment and Planning A*. 2007. No. 39(5). Pp. 1119–1133; *Hopkins P.* Responding to the "Crisis of Masculinity": The Perspectives of Young Muslim Men from Glasgow and Edinburgh, Scotland // *Gender, Place and Culture*. 2009. No. 16(3). Pp. 299–312; *Hopkins P.* Deflections, Displacements and Disengagements // *Nasar Meer* (ed.), *Scotland and Race Equality: Directions in Policy and Identity*. London: Runnymede Trust. 2016. P. 30–31; *Hopkins N., Blackwood L.* Everyday Citizenship: Identity and Recognition // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 2011. No. 21(3). Pp. 215–227; *Hopkins N., Greenwood R.* Hijab, Visibility and the Performance of Identity // *European Journal of Social Psychology*. 2013. No. 43(5). Pp. 438–447; *Hopkins P., Smith S.* Scaling Segregation: Racialising Fear // *Rachel Pain and Susan Smith* (eds). *Fear: Critical Geopolitics and Everyday Life*. Aldershot: Ashgate. 2008. P. 103–116; *Hopkins N., Greenwood R., Birchall M.* Minority Understandings of the Dynamics to Intergroup Contact Encounters: British Muslims (Sometimes Ambivalent) Experience of Representing Their Group to Others // *South African Journal of Psychology*. 2007. No. 37(4). Pp. 679–701; *Hopkins P., Botterill K., Sanghera G., Arshad R.* Faith, Ethnicity, Place: Young People's Everyday Geopolitics in Scotland, Research Report 2015. Swindon: Arts and Humanities Research Council. Vol. 55. P. 124–134.

⁴ *Maan B.* The New Scots: The Story of Asians in Scotland. Edinburgh: John Donald Publishers, 1992; *Maan B.* The Thistle and the Crescent. Glendaruel: Argyll Publishing, 2008; *Maan B.* Muslims in Scotland. Glendaruel: Argyll Publishing, 2014.

с этим отметим исследования Томаса М. Девайна¹, Хью Годдарда², Йоргена С. Нильсена³, Стефано Бонино⁴. Тем не менее нам представляется, что ни одна из имеющихся серьезных научных работ, изданных к настоящему времени, не предлагает однозначной точки зрения при взгляде на мусульман как шотландцев.

История мусульманского присутствия в Шотландии — это иллюстрация тенденций взаимодействия в западной стране коренного населения (чаще всего христианского или секуляризованного) и пришлого (в значительной массе мусульманского). Причем эти тенденции довольно часто проявляются весьма специфически, что зависит от конкретной модели этноконфессионального взаимодействия в той или иной стране. В статье мы попытаемся обосновать это утверждение с учетом особенностей идентичности мусульман шотландцев.

Естественно, традиционная шотландская (как и любая иная) идентичность⁵ меняется, то же самое происходит с идентичностью мусульманской. При этом необходимо понимать, что наряду с «религиозными» мусульманскими идентичностями в Шотландии появились политические «ассоциативные» идентичности, где растущая самоидентификация шотландских мусульман (именно как мусульман) отражает историю их интеграции в шотландское общество.

Впрочем, означенные социальные процессы не являются уникальными только для Шотландии. Мусульмане основательно осели в Великобритании, сделав ее своим домом и привнеся в этот дом особый этноконфессиональный колорит, отличающийся внутренним многообразием, затрудняющим их интеграцию в единую мусульманскую общину, т. к. подобное объединение невозможно без риска гомогенизации опыта отдельных людей, отличающихся по этническому, теологическому, половому и возрастному признакам. Например, 68% британских мусульман являются азиатами (пакистанцами, бангладешцами, индийцами, выходцами из Китая, Индокитая и прочими), около 32% принадлежат к различным неазиатским этнонациональным группам⁶. Теологически мусульмане Соединенного Королевства принадлежат к целому ряду исламских конфессий.

¹ Devine T. Independence or Union: Scotland's Past and Scotland's Present. London: Allen Lane. 2016. P. 320.

² Goddard H. Recent developments in Christian-Muslim Relations // World Christianity in Muslim Encounter: Essays in Honour of David A. Kerr. Goodwin, S. (ed.). London: Continuum. 2009. Vol. 2. P. 96–114.

³ Nielsen J. Muslims in Western Europe, 3rd edn. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2004. P. 190.

⁴ Bonino S. Muslims in Scotland. The Making of Community in a Post-9/11 World. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.

⁵ Среди отечественных исследователей наиболее обстоятельно проблемой исторического становления и развития идентичности у шотландцев занимается Апрыщенко В. Ю. Среди прочих отметим его фундаментальную работу: Апрыщенко В. Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016.

⁶ Bonino S. Muslims in Scotland. The Making of Community in a Post-9/11 World. 2017.

Движения Деобанди и Барелви представляют более двух третей британских мусульман, остальные являются членами различных шиитских, салафитских, суфийских, ахмадийских и прочих азиатских или африканских основных мусульманских групп¹.

Существуют различия и в том, как конфессиональная принадлежность концептуализируется на индивидуальном личностном уровне в форме религиозности². Поэтому мусульманство (мусульманская идентичность) в контексте изучения носителей ислама как этноконфессионального меньшинства в британском (в том числе, шотландском) обществе не заканчивается только исламом и религиозной идентичностью³. Вместо этого мусульманство характеризуется различными внутренними проявлениями идентичности конкретных этноконфессиональных меньшинств, а также различными типами индивидуальной религиозности, которые помогают мусульманам понять социокультурное пространство, являющееся для них изначально чужим⁴. Это говорит о том, что нельзя недооценивать методологические сложности при решении научных задач, предполагающих описание людей, связанных верой, этнической принадлежностью и/или любым другим критерием группового сходства.

Соединение по умолчанию религиозной идентичности мусульманских этноконфессиональных групп с идентичностями иных этноконфессиональных групп и отдельных индивидов проявляется в Великобритании довольно остро, выливаясь в те или иные формы дискриминации. Правда, так ситуация с мусульманским меньшинством складывается прежде всего на территории Англии и, отчасти, Уэльса. В Шотландии по ряду политических и социокультурных причин дело обстоит иначе, хотя, безусловно, социально-политический климат, навязываемый Лондоном, влияет и на Эдинбург⁵. В то же время, мы согласны с позицией Софи Гиллиат-Рэй⁶, считающей что «британские мусульмане, вероятно, имеют достаточно общие убеждения и практики, чтобы оправдать их категоризацию как особой группы»⁷.

Впрочем, мусульмане в Шотландии расселились относительно спокойно. Исследования последнего времени показывают, что меньшая

¹ *Naqshbandi M.* UK Mosque Statistics / Masjid Statistics. [Electronic resource] // URL: http://www.muslimsinbritain.org/resources/masjid_report.pdf (date recourse: 25.03.2020).

² Подробнее см.: *Volpi F.* Constructing the “Ummah” in European Security: Between Exit, Voice and Loyalty // *Government and Opposition*. 2007. No. 42(3). P. 463.

³ *Jeldtoft N.* Lived Islam: Religious Identity with “Non-Organized” Muslim Minorities // *Ethnic and Racial Studies*. 2010. No. 34(7). P. 1147.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Hussain D.* ‘Islam’ // Guy Lodge and Zaki Cooper (eds), *Faith in the Nation: Religion, Identity and the Public Realm in Britain*. London, Institute for Public Policy Research. 2008. P. 40.

⁶ *Gilliat-Ray S.* *Muslims in Britain: An Introduction*. P. XII.

⁷ *Ibid.* P. XIII.

численность, а также гостеприимный характер и общительность шотландцев сделали интеграцию приверженцев ислама в этой части Британии более легкой, чем в Англии. Более того, история мусульман в Шотландии является одним из примеров гармонии местного населения с иммигрантскими общинами.

Данные переписи 2011 г. показывают, что шотландские мусульмане различаются этнически, теологически и культурно. Из них почти 70% сосредоточены в четырех городах: Глазго (42%), Эдинбурге (16%), Абердине (6%) и Данди (5%). Община Глазго является типичной для всей Британии, т. к. две трети ее членов составляют пакистанцы. Напротив, в мусульманских общинах Эдинбурга и Данди пакистанцы составляют меньший процент, а арабы — больший. Эта неоднородность еще более заметна в Абердине (британской нефтяной столице), где проживают пять групп (пакистанская, арабская, бангладешская, африканская, а также группа из всех прочих азиатских регионов), каждая из которых составляет от 10% до 20% от общего числа местных мусульман.

Отметим, что данные переписи 2011 г. дали и некоторую информацию относительно идентичности шотландских мусульман. Последние чувствуют себя шотландцами в большей степени (24%), чем английские мусульмане чувствуют себя англичанами (14%). Интересно, что более 2/3 шотландских мусульман одновременно выражают и свою британскость (британскую идентичность)¹. Распределение же этнических идентичностей мусульман по всей Шотландии различно и соотносится с логикой распределения по территории их этнических общин. Мусульмане пакистанского происхождения, как правило, отдают предпочтение своей шотландской (31%) или британской (34%) идентичности вместо этнической принадлежности (13%). В то же время арабы в большей степени демонстрируют свою этническую идентичность (47%), нежели шотландскую (18%) или британскую (17%). Поэтому неудивительно, что мусульмане в Глазго и Данди активнее демонстрируют свою шотландскость в сравнении с мусульманами в Эдинбурге и Абердине. Действительно, Глазго и Данди — это два города, где пакистанцы составляют более 50% местного мусульманского населения. Кстати, население именно этих двух городов (из четырех крупнейших в Шотландии) проголосовало за независимость на референдуме 2014 г. Напротив, арабы Эдинбурга и Абердина (более 15% местного мусульманского населения) упорно демонстрируют свою небританскую этническую идентичность в рамках соответствующих мусульманских общин (34% — в Эдинбурге; 53% — в Абердине).

¹ Подробнее см.: Тюрин Е. А. Государство и нация: телеологические аспекты политического курса Шотландии // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 118–127; Тюрин Е. А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // Власть. 2017. № 8. С. 178–182; Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // Власть. 2015. № 4. С. 195–200.

По мере того, как меняется шотландская мусульманская община, меняется и социокультурный ландшафт Шотландии, которая прошла долгий путь от открытия в 1944 г. первой мечети в Глазго (на Оксфорд-стрит 27/29) до сегодняшнего состояния, когда в Шотландии уже насчитывается 76 мест для молитвы (мечетей, временных помещений, молитвенных комнат и т. п.). Эти видимые символы ислама в шотландской географии, наряду с этноконфессиональными продуктовыми магазинами и ресторанами, сделали мусульманское присутствие в стране реальной повседневностью. Отметим, что в целом интеграция мусульман в шотландское общество проходит относительно гладко (особенно в сравнении с Англией). Как показывают исследования, во многом это связано с тем, что англофобия вытесняет исламофобию, уменьшая внутришотландские фобии и предоставляя шотландцам общее, внешнее и очень значительное «другое». Здесь мы как раз можем наблюдать взаимопроникновение социокультурного и политического. С одной стороны, позиция правящей Шотландской национальной партии (SNP) — «против всего вестминстерского» — способствовала развитию антианглийских настроений в шотландском обществе, в том числе среди шотландских мусульман. С другой стороны, ожиданиям шотландских мусульман близки политические позиции правительства Шотландии: продолжающаяся критика британских властей; доброжелательное отношение к меньшинствам, беженцам и просителям убежища; социально ориентированная риторика, все это стимулирует постепенный переход мусульман от лейбористского крыла к SNP. Со своей стороны, SNP не только непосредственно обращается к сердцам мусульман (например, громкие заявления представителей партии против катастрофической войны в Ираке), но также занялась «вопросом меньшинств» в инклюзивных категориях (расширяя рамки расового равенства в Шотландии на период 2016–2030 гг. и приводя в соответствие с международными нормами свою политику предоставления убежища).

Нельзя также не учитывать и то обстоятельство, что исторически угнетаемая шотландская идентичность стала основанием для социально-политического сближения шотландцев и мусульман. И те, и другие часто ощущали себя жертвами «империалистической» и «гегемонистской» Англии, что способствовало «браку по политическому расчету» между коренными шотландцами и пришлыми мусульманами. В данном случае гражданская и более инклюзивная природа Шотландии, по сравнению с этнической и более эксклюзивной природой англичан, способствовала возникновению двойной шотландско-мусульманской идентичности. Такое положение шотландских мусульман, а также успешные карьеры некоторых из них (Хумза Юсаф — первый мусульманский министр в правительстве Шотландии; Мохаммед Сарвар — первый мусульманский депутат парламента Великобритании от Шотландии, избранный в Глазго в 1997 г.; Башир Маан — первый в Великобритании мусульманский

городской советник, избранный в Глазго в 1970 г.; Башир Ахмад — первый представитель этнического меньшинства в парламенте Шотландии, избранный в 2007 г.) могут служить положительным примером для других европейских стран. Данный пример показывает политические возможности, предлагаемые Шотландией своим гражданам, независимо от их этноконфессиональной принадлежности. Правда, не стоит забывать и об обратной стороне мусульманской миграции. Активное участие Шотландии в создании Британской империи; историческое предубеждение против трудовых мигрантов; отдельные проявления расизма (которому подвергаются пакистанцы) и прочее подчеркивают неоднозначность представления о шотландском обществе как об исключительно терпимом и инклюзивном. К этому еще добавляются теологические разломы среди самих мусульман, сектантские разногласия которых высвечивают борьбу за устранение внутренних противоречий в рамках общей национальной истории.

Тем не менее антимусульманские настроения пока существуют, и некоторые мусульмане все еще сталкиваются с трудностями в применении культурных и религиозных практик, обусловленными окружающей социальной средой, Шотландия может и должна стать образцом относительно успешного практического исследования по адаптации мусульманского разнообразия в западной стране.

Переходя к основным выводам относительно миграции, расселения и развития мусульманских общин в Шотландии, можно говорить о том, что в социально-политической практике этой страны проявляется ряд положительных факторов, влияющих на миролюбивый характер отношений между коренными шотландцами и мусульманами. Далее попытаемся раскрыть суть этих факторов.

Во-первых, мусульманское сообщество в Шотландии невелико как в абсолютном выражении, так и по отношению к общему мусульманскому населению в Великобритании. Согласно данным последней переписи населения 2011 г. число мусульман составило менее 77 тыс. чел. (хотя, сегодня эта цифра может превышать 100 тыс. чел.). На них приходится очень небольшая доля шотландцев в целом, поэтому присутствие мусульман в Шотландии не вызывает такого большого общественного сопротивления, как в Англии или в основных континентальных европейских странах. Интеграция в более широкое городское пространство осуществляется в силу необходимости. Реальность такова, что этническая сегрегация не очень широко распространена, за исключением Восточных Поллокшилдов и Гованхилл в Глазго, где этническая кластеризация сохраняется, но уровни падают и остаются ниже, чем в крупных городах Англии и Уэльса. Кроме того, малочисленность мусульманского населения облегчает местным властям решение социальных проблем, а полиции и службе безопасности — наблюдение за лицами, вызывающими

подозрения. Этот же фактор снижает уровень взаимного недовольства между коренным населением и мусульманами.

Во-вторых, мусульмане в Шотландии представляют собой преимущественно самозанятое сообщество. Шотландско-пакистанская традиция самозанятости эволюционировала от низкооплачиваемых рабочих мест в середине 1920-х гг. к сегодняшнему более прибыльному бизнесу¹. Обладая самой высокой долей самозанятых людей среди всех этнических меньшинств (с наймом своих членов в гостиничной и ресторанной сферах), пакистанская община держится в стороне от конкуренции на рынке труда с немусульманским большинством. Вместо того чтобы отнимать рабочие места у коренных шотландцев, пакистанцы создали свои рабочие места. Будучи этническим меньшинством (представители которого входят в состав корпуса менеджеров, директоров и старших должностных лиц), шотландские пакистанцы посеяли семена экономического успеха в стране и создали общественный имидж трудолюбивого сообщества. Этому имиджу помог сформироваться и относительно благополучный статус первых пакистанских мигрантов из Пенджаба, создавших финансово стабильные условия жизни для последующих поколений. Благодаря сочетанию постоянной самозанятости с вхождением в предлагаемые обществом профессии будущее сегодняшней мусульманской пакистанской общины Шотландии выглядит намного светлее, чем будущее мусульманских пакистанских семей, которые мигрировали из Мирпура в крупные города Англии.

Третьим фактором является то обстоятельство, что пакистанцы в Шотландии не только способствовали созданию положительного делового имиджа мусульман, избегая при этом конкуренции с государственным бизнесом и частным предпринимательством коренного населения, но и, что очень важно, держались подальше от крупных беспорядков. Так, например, беспорядки 1988–1999 гг. (связанные с делом Салмана Рушди), а также беспорядки 2001–2011 гг. в Англии не отразились в Шотландии. Безусловно, небольшая шотландская мусульманская община имеет весьма ограниченные возможности для мобилизации на улицах по сравнению с ее английским аналогом. Правда и то, что южноазиатские банды, населявшие Глазго с 1960-х гг.² и воевавшие в основном против других южноазиатских банд, также сталкивались и с белым большинством. Однако даже в Глазго ожесточенные столкновения между южноазиатскими и белыми никогда не достигали масштабов беспорядков в Брэдфорде, Бернли или Бирмингеме, в основном благодаря хорошим отношениям

¹ Bailey N., Alison B., Duncan S. Pakistanis in Scotland: Census Data and Research Issues // Scottish Geographical Magazine. 1995. No. 111(1). Pp. 36–45.

² Azam I. 'Asian Gang Life in Glasgow' // Asian Image, 2006, 26 November. [Electronic resource] // URL: http://www.asianimage.co.uk/news/1020787.Asian_gang_life_in_Glasgow (date recourse: 25.03.2020).

между местными лидерами азиатских общин и местной белой общиной¹. В Шотландии отсутствие ожесточенных уличных протестов и беспорядков в сочетании с относительным отсутствием обеспокоенности по поводу дискриминации со стороны первых поколений мусульманских мигрантов оказало весьма позитивное воздействие на общественно-политические отношения. Это свидетельствует о том, что политическая элита в Эдинбурге умело осуществляет профилактику социального недовольства в отношении мусульманской общины Шотландии, чего не скажешь об элите в Лондоне, т. к. мусульмане Англии довольно негативно реагируют на Вестминстер и английское общество.

В четвертых отметим следующее. Проблему исламского фактора в Шотландии нельзя рассматривать в отрыве от социокультурных особенностей этой страны. Дискриминация в отношении мусульман или иных этнических меньшинств, называющих себя мусульманами, в Великобритании действительно существует. Но если объективно оценивать положение дел в Шотландии, то здесь проявления дискриминации просто ничтожны в сравнении с Англией. Объяснить этот факт помогают два ключевых элемента: англофобия и «сектантство». Говоря об англофобии, отметим, что, хотя, исторически сложившееся шотландское стремление к независимости само по себе не влечет за собой глубоко укоренившейся неприязни и предубеждения против англичан, тем не менее политические позиции, занятые SNP, часто формировались в открытой оппозиции к политике Вестминстера. На этом социокультурном и политическом культурном фоне шотландские мусульмане прибегают к гордой шотландской идентичности, которая часто концептуализируется в противовес понятиям английской идентичности. Быть шотландцем «потому что мы не англичане» вполне может стать отправной точкой формирования идентичности для поколения тех жителей Шотландии (мусульман или немусульман), которые лишены избирательных прав из-за правил политической системы, формируемой в Лондоне. В части «сектантства» отметим, что исторически сложившаяся межконфессиональная напряженность между католиками и протестантами немало способствовала тому, что в отношении других религиозных меньшинств не возникло более серьезных предубеждений. Шотландские мусульмане, безусловно, испытывают на себе некоторые проявления этнорелигиозной дискриминации. Тем не менее в пресвитерианской стране «чужой» (в этноконфессиональной системе критериев) идентифицируется прежде всего как «белый католик», а не как «коричневый мусульманин».

В-пятых, более низкий уровень дискриминации мусульман в Шотландии по сравнению с Англией — это не вопрос субъективного восприятия.

---

¹ Sarwar M. My Remarkable Journey: The Autobiography of Britain's First Muslim MP. Edinburgh: Birlinn. 2016. P. 8.

В некоторых аспектах повседневной жизни это является документированным фактом¹. В существенной степени дискриминационные проявления связаны с действиями силовых структур, например полиции. Полицейская деятельность к югу от англо-шотландской границы непропорционально повлекла за собой секьюритизацию чернокожих и азиатских этнических меньшинств, что вызвало их недовольство и чувство дискриминации. И наоборот, полиция Шотландии непропорционально часто останавливает и обыскивает молодых людей, а не представителей этнических групп как таковых. Как показывает исследование Кэт Мюррей, посвященное данному вопросу, «в Шотландии, по-видимому, нет надежных доказательств дискриминации с точки зрения этнической принадлежности»². В хрупком социально-политическом контексте, в котором мусульманские общины в Англии жалуются на назойливые действия полиции, Шотландии удалось не отчуждать свои меньшинства.

Шестым фактором, следует считать то обстоятельство, что шотландские мусульмане, являются частью небольшой, рассеянной и относительно благополучной общины. Это способствует социальной интеграции шотландского общества. Этноконфессиональное меньшинство здесь поддерживается от выдвижения серьезных претензий. Шотландия пока не открыла двери своей первой мусульманской школы, а язык урду, на котором говорит большинство шотландских мусульман-пакистанцев, далеко не достиг того институционального признания и культурного значения, которыми обладает гэльский. И тем не менее, хотя урду и исламские школы еще не вошли в институциональный ландшафт, мусульманским общинам все же удалось сделать Шотландию своим домом, выразить твердую преданность стране и достичь определенного статуса в системе политической власти. Отсутствие же серьезных этноконфессиональных претензий мусульманского меньшинства в том контексте, который не ограничивает потребность мусульман выражать свои стремления к политико-правовому признанию, играет на руку социокультурной сплоченности шотландского общества. При этом, сохраняя свои собственные религиозные принципы, шотландские мусульмане сумели сохранить в себе аскетическое чувство принадлежности к Исламу. Ключ к социальной сплоченности лежит в чувстве приобщенности различных этнокультурных групп к ценностям, символам и традициям той или иной нации.

Еще одним фактором, влияющим на миролюбивый характер отношений между коренными шотландцами и мусульманами, является

¹ Меркулов П. А., Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Акатова Н. Г. Особенности реализации государственной политики противодействия терроризму в Шотландии в контексте проблемы дискриминации британских мусульман // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2019. № 6. С. 102–115.

² Murray K. Landscape Review on Stop and Search in Scotland. Edinburgh: University of Edinburgh, Scottish Institute for Policing Research. 2015. P. 63.

прогрессивная политика шотландских властей в отношении этноконфессиональных меньшинств и развивающийся общий национальный нарратив.

«Единая Шотландия» — это хитроумная политическая стратегия, которую шотландское правительство применяет, чтобы укреплять и развивать гражданский национализм. В то время как за любым типом национализма маячит призрак политического популизма, в ситуации с SNP следует констатировать, что в данном случае руководство партии имеет беспрецедентное народное одобрение в части своих действий. Что же касается непосредственно мусульманской общины, то она приняла риторическую и политическую идею инклюзивной шотландской идентичности, на которую могут претендовать люди различных этнических и религиозных групп, пока они действуют на благо Шотландии. Хотя идентичность проявляет себя гораздо более сложным образом, и шотландцы могут не всегда соглашаться с притязаниями мусульман на шотландское происхождение, страна предлагает относительно безопасное пространство для их общественного признания. Шотландское правительство также сделало многое для поддержки общего национального нарратива, провозгласив политику инклюзивности, а не этнической исключительности. Политические заявления в пользу иммиграции, просителей убежища и беженцев нашли отклик у многих мусульман¹. Безусловно, внутренняя и внешняя политика должна учитывать более широкую национальную и геополитическую динамику и интересы, а не просто соответствовать ожиданиям тех или иных меньшинств, например, мусульманских общин. Но, безусловно, не может быть лучшего социально-политического маркетингового инструмента для привлечения мусульман в идеологические ряды SNP, чем противодействие спорной и крайне нелюбимой политике, проводимой Лондоном.

В качестве еще одного фактора мы должны отметить развивающийся в Шотландии гражданский национализм² как стратегическую цель прогрессивной политики Эдинбурга, которая служит щитом от широко распространенных антимусульманских настроений. Давние социал-демократические и левоцентристские взгляды шотландской политической элиты противостояли британскому консерватизму еще со времен Маргарет Тэтчер³ и отражаются в сохраняющейся напряженности с британским правительством. Можно сказать, что шотландская политика способствует

¹ Scotland's Muslims: The 'Islam in Tartan' // The Economist. 2009. 7 May. [Electronic resource] // URL: <http://www.economist.com/node/13611699> (date recourse: 25.03.2020 г.).

² Подробнее см.: Меркулов П. А., Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Эволюция Шотландской национальной партии в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского национализма // Власть. 2017. № 6. С. 153–159; Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Современные проявления шотландского «национализма» в условиях политической борьбы за государственный суверенитет Шотландии // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. С. 152–160.

³ Devine T. Independence or Union: Scotland's Past and Scotland's Present.

утопическому, протосоциальному эгалитаризму, который символически связан с историческим чувством угнетения со стороны англичан и позволяет мусульманам присоединиться к шотландскому «каравану угнетенных». Антианглийские настроения и отсутствие нацистской традиции лишили ультранационалистические и расистские движения кислорода, необходимого им для укоренения в Шотландии. Возможно, ключевой шотландской особенностью является ярко выраженный гражданский национализм — шотландская концепция нации, которая выходит за пределы строгих этнических границ и интерпретирует принадлежность к государству вокруг инклюзивного подхода к гражданству и приверженности равенству. Манифест SNP за независимую Шотландию был построен вокруг «приверженности единой Шотландии», в которой люди «привыкли к множественным идентичностям, будь то национальные, региональные, этнические, языковые или религиозные»¹. Прогрессивная политика Шотландии и гражданский национализм проявляют себя в «желательном плюрализме»² и находят подтверждение в более дружественном отношении к мигрантам-мусульманам по сравнению с Англией.

Наконец, еще одним фактором выступает восприятие Шотландии (отчасти несколько мифологизированное) самими мусульманами в качестве страны более терпимой, чем Англия. Мусульмане часто склонны вспоминать о том, как Мохаммад Сарвар стал первым мусульманским членом парламента, а Башир Маан — первым мусульманским советником в системе органов власти Великобритании. При этом мусульмане полагают, что это свершилось благодаря социокультурным особенностям Шотландии. Истории этих двух мусульманских первопроходцев в политической элите Британии теперь записаны в учебниках истории, а позитивные отношения между мусульманами и многими шотландцами-немусульманами укрепляют осознание шотландской терпимости. Интерес людей к изучению ислама свидетельствует об относительной открытости шотландского населения по отношению к другим культурам и вероисповеданиям. Снижая существующую нагрузку на видимое многообразие мусульман и повышая его ценность, Шотландия попыталась мобилизовать свои пористые социокультурные границы для формирования чувства шотландской самобытности, которое является гражданским и инклюзивным. Тем не менее, серьезные исследователи рассматриваемых вопросов должны отдавать себе отчет в том, что миф о шотландской терпимости живет в мире легенд и фактов, символов и статистики, представлений и реалий. Как это часто бывает, истина находится посередине. Истории успеха Башира Маана и Мохаммеда Сарвара не должны заслонять собой проблемы

¹ Scottish Government Scotland's Future: Your Guide to an Independent Scotland. Edinburgh: Scottish Government, 2013. P. 271.

² Meer N. 'Looking Up in Scotland? Multinationalism, Multiculturalism and Political Elites' // *Ethnic and Racial Studies*. 2015. No. 38(9). Pp. 1477–1496.

этнорелигиозной дискриминации (в том числе с отсылкой к историческим свидетельствам активного участия Шотландии в строительстве Британской империи). Поэтому крайне важно, чтобы любое достоверное исследование Шотландии сбросило завесу с исторической амнезии, которая позволяет легко забыть прошлое этой страны под воздействием современных социально-политических мифов.

Выводы

Мусульмане продолжают оставаться на виду у всех западных обществ. В политических дебатах и дискуссиях, проводимых средствами массовой информации, активно обсуждаются хрупкие отношения между Западом и исламским миром на фоне экстремистской активности исламистов на Ближнем Востоке и во всем мире. Пессимисты объявляют, что Европа постепенно превращается в исламскую колонию, а европейские мусульманские общины, бесспорно, сталкиваются с культурными конфликтами. На этом фоне Шотландия не осталась нетронутой культурными катаклизмами, но, тем не менее, она демонстрирует свои выигрышные позиции для мусульман, отодвигая на второй план этнически фиксированную идею «британскости» и утверждая гражданскую концепцию шотландской государственности («шотландскости»), которая позволяет решать исламскую проблему путем развития инклюзивной идентичности. Новые поколения сохраняют этнические различия и при этом создают смутное, но функциональное представление о том, что они являются одновременно шотландцами и мусульманами. Тем самым в Шотландии утверждается принцип мирного гражданского сосуществования, меняющий лицо ислама в этой части Британии. Прибегая к силе человеческих универсалий, чтобы сделать людей разных культур, этносов и конфессий настолько похожими в их различиях, шотландское общество сумело продемонстрировать бережное отношение к мусульманскому разнообразию в период очень хрупкого равновесия в отношениях мигрантов-мусульман с коренными народами Европы. Мы, безусловно, далеки от того, чтобы абсолютизировать данные факторы и представлять их в качестве пропаганды мифа о Шотландии как «рае социальной справедливости», игнорируя трудности социализации мигрантов, наличие этнорелигиозной дискриминации или институциональных проблем, с которыми время от времени сталкиваются шотландские мусульмане. Тем не менее следует признать Шотландию, пусть не совершенной, но относительно успешной моделью интеграции мусульман в европейскую страну. Поэтому с известной долей оптимизма, можно прогнозировать, что будущее Шотландии зиждется на плюрализме различных социокультурных сообществ, связанных едиными гражданскими ценностями. Будущее Шотландии — это постэтническое,

транскультурное социально-политическое государственно организованное пространство, в котором напряженность между мусульманами и немусульманами постепенно уменьшится, а шотландская традиция равенства и социальной справедливости восторжествует.

Литература

Апрыщенко В. Ю. Шотландия в Новое время: в поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016. 720 с.

Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламистский проект. Московский центр Карнеги, Carnegie Endowment for International Peace. М.: Весь мир. 2006. 220 с.

Малашенко А. В. Исламизм для Европы (продолжение) // Россия и мусульманский мир. 2007. № 1. С. 154–161.

Малашенко А. В. Надо ли бояться ислама? М.: Весь мир, 2017. 144 с.

Меркулов П. А., Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Эволюция Шотландской национальной партии в борьбе за национальное самоопределение Шотландии: к вопросу об особенностях шотландского национализма // Власть. 2017. № 6. С. 153–159.

Меркулов П. А., Тюрин Е. А., Савинова Е. Н., Акатова Н. Г. Особенности реализации государственной политики противодействия терроризму в Шотландии в контексте проблемы дискриминации британских мусульман // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «История и право». 2019. Т. 9. № 6. С. 102–115.

Тюрин Е. А. Влияние британской имперской государственности на шотландскую национальную идентичность: к вопросу о независимости Шотландии // Власть. 2017. Т. 25. № 8. С. 178–182.

Тюрин Е. А. Государство и нация: телеологические аспекты политического курса Шотландии // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 118–127.

Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской идентичности // Власть. 2015. Т. 23. № 4. С. 195–200.

Тюрин Е. А., Савинова Е. Н. Современные проявления шотландского «национализма» в условиях политической борьбы за государственный суверенитет Шотландии // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 152–160.

Bailey N., Alison B., Duncan S. Pakistanis in Scotland: Census Data and Research Issues // Scottish Geographical Magazine. 1995. No. 111(1). Pp. 36–45.

Bonino S. Muslims in Scotland. The Making of Community // A Post-9/11 World. Edinburgh: Edinburgh University Press. Xvi + 240 p.

Devine T. Independence or Union: Scotland's Past and Scotland's Present. London: Allen Lane. 2016. P. 320.

Gilliat-Ray S. Muslims in Britain: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. Xviii + 316 p.

Goddard H. Recent developments in Christian-Muslim Relations. // World Christianity in Muslim Encounter: Essays in Honour of David A. Kerr. Goodwin, S. (ed.). London: Continuum. 2009. Vol. 2. Pp. 96–114.

Hall S. Whose Heritage? Un-settling “the Heritage”, Re-imagining the Post-Nation // Jo Littler and Roshi Naidoo (eds), The Politics of Heritage: The Legacies of Race. London: Routledge. 2005. Pp. 23–35.

Hopkins N., Blackwood L. Everyday Citizenship: Identity and Recognition // Journal of Community and Applied Social Psychology. 2011. No. 21(3). Pp. 215–227.

Hopkins N., Greenwood R. Hijab, Visibility and the Performance of Identity // European Journal of Social Psychology. 2013. No. 43(5). Pp. 438–447.

Hopkins N., Greenwood R., Birchall M. Minority Understandings of the Dynamics to Intergroup Contact Encounters: British Muslims (Sometimes Ambivalent) Experience of Representing Their Group to Others // South African Journal of Psychology. 2007. No. 37(4). Pp. 679–701.

Hopkins P. “Blue Squares”, “Proper” Muslims and Transnational Networks: Narratives of National and Religious Identities Amongst Young Muslim Men Living in Scotland // Ethnicities. 2007. No. 7(1). Pp. 61–81.

Hopkins P. Deflections, Displacements and Disengagements // Nasar Meer (ed.), Scotland and Race Equality: Directions in Policy and Identity. London: Runnymede Trust. 2016. Pp. 30–31.

Hopkins P. Everyday Racism in Scotland: A Case Study of East Pollokshields // Scottish Affairs. 2004. No. 49 (Autumn). Pp. 88–103.

Hopkins P. Global Events, National Politics, Local Lives: Young Muslim Men in Scotland, Environment and Planning A. 2007. No. 39(5). Pp. 1119–1133.

Hopkins P. Responding to the “Crisis of Masculinity”: The Perspectives of Young Muslim Men from Glasgow and Edinburgh, Scotland // Gender, Place and Culture. 2009. No. 16(3). Pp. 299–312.

Hopkins P. Young Muslim Men in Scotland: Inclusions and Exclusions // Children’s Geographies. 2004. No. 2(2). Pp. 257–72.

Hopkins P., Botterill K., Sanghera G., Arshad R. Faith, Ethnicity, Place: Young People’s Everyday Geopolitics in Scotland // Swindon: Arts and Humanities Research Council. 2015. Vol. 55. Pp. 124–134.

Hopkins P., Smith S. Scaling Segregation: Racialising Fear // Rachel Pain and Susan Smith (eds), Fear: Critical Geopolitics and Everyday Life. Aldershot: Ashgate. 2008. Pp. 103–116.

Hussain D. Islam // Guy Lodge and Zaki Cooper (eds), Faith in the Nation: Religion, Identity and the Public Realm in Britain. London, Institute for Public Policy Research. 2008. Pp. 39–46.

Jeldtoft N. Lived Islam: Religious Identity with “Non-Organized” Muslim Minorities // Ethnic and Racial Studies. 2010. No. 34(7). Pp. 1134–1151.

Kabir N. *Muslims in Australia: Immigration // Race Relations and Cultural History*, London: Kegan Paul. 2005. 425 p.

Kabir N. Young American Muslims: Dynamics of Identity. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2012. 248 p.

Kabir N. Young British Muslims: Identity, Culture, Politics and the Media. — Edinburgh: Edinburgh University Press. 2010. 256 p.

Maan B. Muslims in Scotland. Glendaruel: Argyll Publishing. 2014. 176 p.

Maan B. The New Scots: The Story of Asians in Scotland. Edinburgh: John Donald Publishers. 1992. 216 p.

Maan B. The Thistle and the Crescent. Glendaruel: Argyll Publishing. 2008. 255 p.

Meer N. Looking Up in Scotland? Multinationalism, Multiculturalism and Political Elites // Ethnic and Racial Studies. 2015. No. 38(9). Pp. 1477–1496.

Murray K. Landscape Review on Stop and Search in Scotland. Edinburgh: University of Edinburgh, Scottish Institute for Policing Research. 2015. 81 p.

Nielsen J. Muslims in Western Europe, 3rd edn. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2004. 195 p.

Otterbeck J., Nielsen, J. Muslims in Western Europe. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2015. Xii + 220 p.

Qureshi K. Shifting Proximities: News and “Belonging-Security” // European Journal of Cultural Studies. 2007. No. 10(3). Pp. 294–310.

Qureshi K. Trans-Boundary Spaces: Scottish Pakistanis and Trans-Local/ National Identities // International Journal of Cultural Studies. 2006. No. 9(2). Pp. 207–26.

Qureshi K., Moores S. Identity Remix: Tradition and Translation in the Lives of Young Pakistani Scots // European Journal of Cultural Studies. 2009. No. 2(3). Pp. 311–30.

Sarwar M. My Remarkable Journey: The Autobiography of Britain’s First Muslim MP. Edinburgh: Birlinn. 2016. 288 p.

Scottish Government Scotland’s Future: Your Guide to an Independent Scotland. Edinburgh: Scottish Government. 2013. Xviii+650 p.

Volpi F. Constructing the “Ummah” in European Security: Between Exit, Voice and Loyalty // Government and Opposition. 2007. No. 42(3). Pp. 451–470.

Wardak A. The Mosque and Social Control in Edinburgh’s Muslim Community // Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal. 2002. No. 3(2). Pp. 201–19.

Wardak A. Social Control and Deviance: A South Asian Community in Scotland. Aldershot: Ashgate. 2000. 275 p.

References

Apryshchenko V. Yu. (2016). *Shotlandiya v Novoe vremya: v poiskah identichnostej* [Scotland in Modern Age: Looking for Identities] Saint Petersburg: Aletheia. 720 p.

Malashenko A. V. (2006). *Islamskaya al'ternativa i islamistskaya ugroza* [The Islamic Alternative and the Islamist Threat]. Moskovskij Centr Karnegi. Moscow: Ves' mir. 221 p.

Malashenko A. V. (2007). Islamizm dlya Evropy (Prodolzhenie) [Islamism for Europe (Continued)]. *Rossiya i musul'manskij mir*. 2007. No. 1. Pp. 154–161.

Malashenko A. V. (2017) *Nado li boyat'sya islama?* [Should One Be Afraid of Islam?]. Moscow: Ves' Mir. 144 p.

Merkulov P. A., Turin E. A., Savinova E. N. (2017). Evolyuciya SHNP v bor'be za nacional'noe samoopredelenie Shotlandii: k voprosu ob osobennostyah shotlandskogo «nacionalizma» [The Evolution of the SNP in the Struggle for Scotland's National Self-Determination: the Issue on Feature of the Scottish “Nationalism”]. *Vlast'*. 2017. № 6. Pp. 153–159.

Merkulov P. A., Turin E. A., Savinova E., Akatova, N. G. (2019). *Osobnosti realizacii gosudarstvennoj politiki protivodejstviya terrorizmu v Shotlandii v kontekste problemy diskriminacii musul'man Soedinennogo Korolevstva* [Features of Implementation of the State Policy of Fighting against Terrorism in Scotland in the Context of Discrimination of Muslims in the United Kingdom]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya i pravo»*. 2019. No. 6. Pp. 102–116.

Turin E. A. (2017). Vliyanie britanskoj imperskoj gosudarstvennosti na shotlandskuyu nacional'nuyu identichnost': k voprosu o nezavisimosti Shotlandii [The Impact of British Imperial Statehood on Scottish National Identity: Towards the Question of Scottish Independence]. *Vlast'*. 2017. No. 7. Pp. 178–182.

Turin E. A. (2017). Gosudarstvo i naciya: teleologicheskie aspekty politicheskogo kursa Shotlandii [State and Nation: Teleological Aspects of Scotland's Political Course]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2017. No. 10. Pp. 118–127.

Turin E. A., Savinova E. N. (2015). Nacional'nyj stil' razvitiya politicheskogo processa v sovremennoj Shotlandii: k voprosu o shotlandskoj identichnosti [The National Style for the Development of the Political Process in Modern Scotland: Towards the Question of Scottish Identity]. *Vlast'*. 2015. No. 4. Pp. 195–200.

Turin E. A., Savinova E. N. (2015). Sovremennye proyavleniya shotlandskogo «nacionalizma» v usloviyah politicheskoy bor'by za gosudarstvennyj suverenitet Shotlandii [Contemporary manifestations of Scottish “nationalism” in the context of the political struggle for Scotland's state sovereignty]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2015. No. 6. Pp. 152–160.

Bailey N., Alison B., Duncan S. (1995). Pakistanis in Scotland: Census Data and Research Issues. *Scottish Geographical Magazine*. Vol. 111 (1). Pp. 36–45.

Bonino S. (2017). *Muslims in Scotland. The Making of Community in a Post-9/11 World*. Edinburgh, University Press Ltd. The Tun — Holyrood Road. 221 p.

Devine, T. (2016). *Independence or Union: Scotland's Past and Scotland's Present*. London: Allen Lane. 336 p.

Gilliat-Ray, S. (2010). *Muslims in Britain: An Introduction*, Cambridge: Cambridge University Press. 316 p.

Goddard H. (2009). Recent developments in Christian-Muslim Relations. *World Christianity in Muslim Encounter: Essays in Honour of David A. Kerr*. Goodwin, S. (ed.). London: Continuum, Vol. 2. Pp. 96–114.

Hall S. (2005). 'Whose Heritage? Un-settling "the Heritage", Re-imagining the Post-Nation', in Jo Littler and Roshi Naidoo (eds), *The Politics of Heritage: The Legacies of Race*, London: Routledge. Pp. 23–35.

Hopkins N., Blackwood L. (2011). Everyday Citizenship: Identity and Recognition. *Journal of Community and Applied Social Psychology*. No. 21(3). Pp. 215–227.

Hopkins N., Greenwood R. (2013). Hijab, Visibility and the Performance of Identity. *European Journal of Social Psychology*, Iss. 43 (5). Pp. 438–447.

Hopkins N., Greenwood R., Birchall M. (2007). Minority Understandings of the Dynamics to Intergroup Contact Encounters: British Muslims (Sometimes Ambivalent) Experience of Representing Their Group to Others. *South African Journal of Psychology*. No. 37(4). Pp. 679–701.

Hopkins P. (2004). Everyday Racism in Scotland: A Case Study of East Pollokshields. *Scottish Affairs*. Iss. 49 (Autumn). Pp. 88–103.

Hopkins P. (2004). Young Muslim Men in Scotland: Inclusions and Exclusions. *Children's Geographies*. No. 2 (2). Pp. 257–272.

Hopkins P. (2007). "Blue Squares", "Proper" Muslims and Transnational Networks: Narratives of National and Religious Identities Amongst Young Muslim Men Living in Scotland. *Ethnicities*. No. 7(1). Pp. 61–81.

Hopkins P. (2007). Global Events, National Politics, Local Lives: Young Muslim Men in Scotland. *Environment and Planning A*. No. 39(5). Pp. 1119–1133.

Hopkins P. (2009). Responding to the "Crisis of Masculinity": The Perspectives of Young Muslim Men from Glasgow and Edinburgh, Scotland. *Gender, Place and Culture*. No. 16(3). Pp. 299–312.

Hopkins P. (2016). Deflections, Displacements and Disengagements. Nasar Meer (Ed.). *Scotland and Race Equality: Directions in Policy and Identity*. London: Runnymede Trust. Pp. 30–31.

Hopkins P., Botterill K., Sanghera G., Arshad R. (2015), *Faith, Ethnicity, Place: Young People's Everyday Geopolitics in Scotland, Research Report 2015*, Swindon: Arts and Humanities Research Council. Vol. 55. Pp. 124–134.

Hopkins P., Smith S. (2008). Scaling Segregation: Racialising Fear. Rachel Pain and Susan Smith (Eds). *Fear: Critical Geopolitics and Everyday Life*. Aldershot: Ashgate. Pp. 103–116.

- Hussain D. (2008). Islam. Guy Lodge and Zaki Cooper (Eds). *Faith in the Nation: Religion, Identity and the Public Realm in Britain*. London, Institute for Public Policy Research. Pp. 39–46.
- Jeldtoft N. (2010). Lived Islam: Religious Identity with “Non-Organized” Muslim Minorities. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 34(7). Pp. 1134–1151.
- Kabir N. (2005). *Muslims in Australia*. Immigration, Race Relations and Cultural History. London: Kegan Paul. 425 p.
- Kabir N. (2010). *Young British Muslims: Identity, Culture, Politics and the Media*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 256 p.
- Kabir N. (2012). *Young American Muslims: Dynamics of Identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 248 p.
- Maan B. (1992). *The New Scots: The Story of Asians in Scotland*. Edinburgh: John Donald Publishers. 216 p.
- Maan B. (2008). *The Thistle and the Crescent*. Glendaruel: Argyll Publishing. 255 p.
- Maan B. (2014). *Muslims in Scotland*, Glendaruel: Argyll Publishing. 176 p.
- Meer N. (2015). Looking Up in Scotland? Multinationalism, Multiculturalism and Political Elites. *Ethnic and Racial Studies*. Iss. 38(9). Pp. 1477–1496.
- Murray K. (2015). *Landscape Review on Stop and Search in Scotland*. Edinburgh: University of Edinburgh, Scottish Institute for Policing Research.
- Nielsen J. (2004). *Muslims in Western Europe*. 3rd ed. Edinburgh: Edinburgh University Press. 195 p.
- Otterbeck J., Nielsen J. (2015). *Muslims in Western Europe*. The New Edinburgh Islamic Surveys, Published November. 232 p.
- Qureshi K. (2006). Trans-Boundary Spaces: Scottish Pakistanis and Trans-Local / National Identities. *International Journal of Cultural Studies*. Vol. 9 (2). Pp. 207–226.
- Qureshi K. (2007). Shifting Proximities: News and “Belonging-Security”. *European Journal of Cultural Studies*. Iss. 10 (3). Pp. 294–310.
- Qureshi K., Moores S. (2009). Identity Remix: Tradition and Translation in the Lives of Young Pakistani Scots. *European Journal of Cultural Studies*. Iss. 2 (3). Pp. 311–330.
- Sarwar M. (2016). *My Remarkable Journey: The Autobiography of Britain’s First Muslim MP*. Edinburgh: Birlinn. 288 p.
- Scottish Government (2013). *Scotland’s Future: Your Guide to an Independent Scotland*. Edinburgh: Scottish Government. 649 p.
- Volpi F. (2007). Constructing the “Ummah” in European Security: Between Exit, Voice and Loyalty. *Government and Opposition*. No. 42(3). Pp. 451–470.
- Wardak A. (2000). *Social Control and Deviance: A South Asian Community in Scotland*. Aldershot: Ashgate. 275 p.
- Wardak A. (2002). The Mosque and Social Control in Edinburgh’s Muslim Community’. *Culture and Religion: An Interdisciplinary Journal*. Iss. 3(2). Pp. 201–219.

THE ISLAMIC FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SCOTLAND: POLITICAL AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS

Abstract. The subject field of this article, devoted to the manifestation of the Islamic factor in the socio-political life of the Great Britain, is localized within the borders of Scotland. The authors emphasize the special (different from other regions of the UK) nature of the interaction of the Muslim ethno-confessional minority with the indigenous population of Scotland. Most attention is paid to the identity of Scottish Muslims. The article highlights that Scotland demonstrates its winning position for Muslims through the development of an inclusive identity. The authors make a prognostic conclusion that Scotland will maintain a policy of affirming common civic values that ensure the pluralism of various socio-cultural communities. According to the authors, the future of Scotland is a post-ethnic, transcultural socio-political state-organized space in which British-wide tensions between Muslims and non-Muslims will gradually decrease, and the Scottish tradition of equality and social justice will be strengthened.

Keywords: Muslims, Islam, Scotland, public policy, nation-building, ethno-confessional interaction, inclusive identity.

Evgeniy A. TURIN,

Cand.Sci. (Polit.), associate professor, chair of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5a Pobedy Blv., Orel, 302028, Russian Federation).
E-mail: turin.of.foveran@yandex.ru)

Elena N. SAVINOVA,

Cand. Sci. (Polit.), associate professor, Chair of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration 5a Pobedy Blv., Orel, 302028, Russian Federation).
E-mail: savinovae.n@yandex.ru)

Alexandr R. AGABABOV,

postgraduate student, Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5a Pobedy Blv., Orel, 302028, Russian Federation).
E-mail: aagababov@mail.ru)

